

Глава 17. Визит

Отец твёрдо решил вернуться в родные края. Шэнъань все эти дни крутился как белка в колесе: заказывал авиабилеты, упаковывал чемоданы, созванивался с помощницей, которая должна была встретить отца в аэропорту. За хлопотами незаметно пролетело несколько дней.

Сегодня Шэнъань решил устроить отцу прощальный ужин и позвать самых близких друзей. Пораньше уйдя со службы, он вернулся домой и принялся за готовку. К назначенному часу один за другим потянулись гости — Ян Сяотянь, Чжан Фуян и остальные ребята. Не хватало только Лю Хао. Фуян рассказал, что тот сразу после работы куда-то таинственно испарился. Все думали, что пройдоха уже вовсю хозяйничает у Шэнъаня, а оказалось, что именно его теперь и ждут.

Шэнъань набрал его номер. Хао-цзы запыхавшимся голосом пообещал, что уже на подходе и будет с минуты на минуту. Попросив Сяотяня и Фуяна развлечь отца разговорами в гостиной, хозяин дома вернулся к плите.

Вскоре залился трелью дверной звонок, и из прихожей донёсся весёлый, раскатистый хохот Лю Хао. Шэнъань, не отрываясь от шкворчащей сковороды, крикнул, чтобы гости проходили так, и продолжил колдовать над очередным блюдом.

— Не думал, что ты умеешь готовить. Пахнет потрясающе! — неожиданно раздалось за спиной.

Шэнъань вздрогнул. Обернувшись, он увидел Лу Чжаньбая. Тот стоял, небрежно прислонившись к дверному косяку, в небесно-голубой куртке и тепло улыбался.

— Ты как здесь оказался? — недовольно нахмурился Шэнъань.

Они не виделись больше недели, и Шэнъань уже начал забывать о его существовании. И надо же было этому человеку явиться прямо к нему домой!

«Точно проделки Хао-цзы. Ох, не жилец он», — угрюмо подумал Шэнъань.

Хорошее настроение как ветром сдуло.

— Что, совсем мне не рад? — усмехнулся Чжаньбай, с интересом разглядывая Шэнъаня.

Тот орудовал ножом и поварёшкой на удивление ловко и уверенно — ни дать ни взять шеф-повар дорогого ресторана.

«А он полон сюрпризов», — мысленно отметил Чжаньбай, забавляясь его хмурым видом.

— Раз уж пришёл, иди в комнату и жди ужина, — бросил Шэнъань, не отрываясь от плиты. — Тут дым коромыслом. Ещё испачкаешь свой пижонский прикид. Или, чего доброго, опять горло запершит.

Последнее слово он выделил с особым, ехидным нажимом.

— И почему в твоих устах это звучит как издевательство? — рассмеялся Чжаньбай. — Не такой уж я и неженка. Ладно, уговорил, подожду в гостиной. Только поторапливайся, пожалуйста, я чертовски голоден.

С этими словами он развернулся и ушёл к остальным.

«Словно из голодного края сбежал, вечно у него в брюхе пусто», — проворчал про себя Шэнъань.

Затем он зычно крикнул в сторону прихожей:

— Хао-цзы, быстро сюда!

Лю Хао тут же примчался на зов и, расплывшись в преданной улыбке, заглянул в кухню:

— Звал, брат Ань? Что стряслось?

— Это ты притащил Лу Чжаньбая? — в лоб спросил Шэнъань.

— Ага, он со мной! — закивал тот, сияя от восторга. — Слушай, мировой парень! И богатый просто до неприличия. Мы по дороге в торговый центр заехали, так он твоему отцу столько подарков набрал — дорожные вещи, элитные целебные настойки, деликатесы! А ещё он мне по дороге дал за руль своего зверя сесть. Ну и тачка, Шэнъань! Мощь!

— Держись от него подальше, — сухо предупредил Шэнъань.

— Это ещё почему? — искренне удивился Лю Хао. — Он же твой друг. Или ты такого завидного приятеля решил единолично заграбастать? Ну ты даёшь! Отличный же малый. Он, между прочим, звал меня к себе в гости на выходных.

— Балда ты, Хао-цзы, — вздохнул Шэнъань. — Ума палата, а веришь первому встречному. Когда только повзрослеешь? Ладно, иди накрывай на стол. Живо!

— Есть! — Лю Хао шутливо козырнул и умчался в гостиную.

Когда Шэнъань начал выносить готовые блюда, он застал отца за оживлённой беседой с Чжаньбаем. Ли Жэньпу так и лучился радушием. Сяотянь и Фуян тут же бросились на кухню помогать с тарелками, а неисправимый Лю Хао крутился возле старшего Ли и Чжаньбая, то и дело вставляя свои весёлые замечания.

Вскоре обеденный стол ломился от аппетитных яств.

— А ты мастер, Шэнъань! Выглядит потрясающе, у меня аж слюнки потекли, — искренне восхитился Чжаньбай, окинув взглядом ломящийся от еды стол.

Ли Жэньпу усадил гостя на почётное место и с гордостью добавил:

— Наш Шэнъань у плиты с малых лет. Бывало, вернётся из школы, а меня дома нет — вот он сам себе и готовил. Наловчился так, что пальчики оближешь. Давай, пробуй, не стесняйся.

Чжаньбай подцепил палочками сочный кусочек говядины, отправил в рот и довольно закивал, не скупясь на похвалу.

Все расселись по местам и принялись разливать спиртное. Заметив, что перед Ли Жэньпу стоит пустая пиала, Чжаньбай потянулся к бутылке, чтобы наполнить её.

— Отцу нельзя алкоголь, — тут же перехватил его руку Шэнъань.

— Ах, точно! Хао-цзы упоминал, что у почтенного дяди застарелый ревматизм, — спохватился Чжаньбай и отставил бутылку.

Он резво поднялся, подошёл к заваленному подарками комоду и принёс оттуда изящный лакированный футляр. Открыв его, Чжаньбай извлёк на свет бутылку тёмного стекла и вернулся на своё место.

— Тогда вам, дядя Ли, нужно пить вот это. Целебное пантовое вино, первейшее средство при ломоте в суставах. Настоящий импортный эликсир, никакой сивухи, за качество ручаюсь головой, — приговаривал Чжаньбай, ловко откупоривая бутылку.

— Да-да! — влез услужливый Лю Хао. — Мы специально за ним заезжали. Деньжищ стоит немерено — больше трёх тысяч за бутылку! Но продавцы клялись, что для суставов ничего лучше в мире нет.

— Ой, ну к чему такие траты... Как-то даже неудобно, — запричитал Ли Жэньпу. Однако он не сводил глаз с заветной бутылки. Он воровато покосился на сына, и на его лице отразилось такое детское, отчаянное желание пригубить запретного зелья, что всё стало ясно без слов.

— Не переживайте, отец, — улыбнулся Чжаньбай, щедро наполняя его пиалу янтарной жидкостью. — Вы вырастили такого сына, так что вы мне тоже не чужой человек. Я ведь прекрасно знаю, какая это мука для ценителя — сидеть за сухим законом. У меня дедушка тоже знатный любитель, и тоже мается суставами, но это пантовое вино его буквально на ноги ставит. Раз уж вы уезжаете, я взял сразу две бутылки, чтобы было с собой в дорогу. А как закончатся — только свистните, я ещё куплю, а Шэнъань вам вышлет посылкой.

— Да как же так... — растроганный старик от смущения не находил слов и снова беспомощно посмотрел на сына.

Этот парень, Лу Чжаньбай, явно происходил из состоятельной семьи, но держался на удивление просто и душевно. Вот только Ли Жэньпу никак не мог взять в толк: с каких это пор его нелюдимый сын обзавёлся такими щедрыми друзьями? Заявиться в гости в первый раз и притащить подарков на целое состояние — одна бутылка три тысячи, а ведь на столе высилась целая гора коробок.

Ли Жэньпу колебался. Он невольно потянулся к ароматной влаге, но без молчаливого одобрения сына он не решался сделать и глотка.

— Ладно, выпей немного, — сдался Шэнъань и кивнул.

Завтра отец улётал, и портить ему праздничный вечер совсем не хотелось. А что касается мотивов Лу Чжаньбая... пускай развлекается. С этим скользким типом он разберётся позже.

Стоило Шэнъаню дать добро, как напряжение за столом мгновенно испарилось. Завязалась весёлая хмельная беседа. Тосты следовали один за другим, звенели пиалы, шутки сыпались градом — ужин пошёл своим чередом.

Изрядно захмелевший Ли Жэньпу по-отцовски приобнял Чжаньбая за плечи и, преданно заглядывая ему в глаза раскрасневшимся лицом, заговорил:

— Чжаньбай, сынок... Вижу я, что парень ты образованный, обходительный. Нашему Шэнъаню крупно повезло, что он встретил такого друга. Уеду я скоро, останется он тут совсем один. Ты уж приглядывай за ним, присматривай, будь другом! Шэнъань у меня парень золотой, честный, но упрямый как бык. Чуть что не по нему — сразу кровь в голову ударяет, рубит с плеча. Если рядом будет такой разумный человек, который вовремя за руку одёрнет, у меня и на душе спокойнее станет.

— Не беспокойтесь, дядя Ли, спите спокойно, — широко улыбнулся Чжаньбай. — Мы с Шэнъанем хоть и знакомы без году неделя, но сошлись сразу, будто сто лет друг друга знаем. Я за ним не просто пригляжу — я его под личный контроль возьму, шагу ступить без моего ведома не дам!

— Ну вот и ладно, вот и славно, — благодушно закивал захмелевший старик. — А сколько тебе

годочков-то, сынок? В каком месяце родился?

— В мае двадцать пять исполнилось, — ответил Чжаньбай.

— Надо же! — всплеснул руками Ли Жэньпу. — А Шэнъаню только в сентябре двадцать пять стукнет. Ровесники, значит! Но раз ты на пару месяцев старше, пускай зовёт тебя старшим братом. Женат-то уже, небось?

— Да Бог с вами, пока холостяком хожу! — рассмеялся Чжаньбай.

— И мой обалдуй всё в девках мается, — вздохнул отец. — Понимаю, вы, городские, не спешите с этим делом. Только вот мне, старому, до смерти хочется внуков понянчить. Извёлся уже весь!

Старик демонстративно, с укором зыркнул на сына.

— Ну, вам-то точно не о чем переживать, — вкрадчиво заметил Чжаньбай. — С его-то статью да умом от невест отбоя быть не должно. Первейший жених! Какая девчонка устоит перед таким красавцем?

— Э-э, сынок, — горько махнул рукой старик. — Нынче девки пошли хваткие, расчётливые. С лица воду не пить, если в карманах ветер гуляет. Шэнъань только-только на службу устроился, жалованье копеечное. Где уж тут о семье думать... Так что болит моё отцовское сердце.

Он снова бросил взгляд на хмурого сына и доверительно придвинулся к Чжаньбаю:

— Ты парень видный, при делах, при деньгах. Помоги ему, если случай представится, наставь на верный путь. Мы ведь люди простые, деревенские, для нас такое знакомство — большая честь. Кто-то скажет: в господа лезут, связи ищут... Но мне за сына обидно! Парень-то золотой: и собой хорош, и голова варит, и пахать умеет как проклятый. Да только без протекции в большом городе локти сгрызёшь, а в люди не выбьешься. Ему бы только шанс, хоть малюсенькую зацепочку! Он бы горы свернул, я-то своего сына знаю... Он у меня далеко пойдёт, если подтолкнуть.

— Согласен с вами, — кивнул Чжаньбай, заглядывая в глаза старику. — Шэнъань — человек редких достоинств. Я тоже ничуть не сомневаюсь, что его ждёт большое будущее.

— Вот о чём и речь! — распалялся старик, его голос крепчал и звенел на всю квартиру. — Одному-то каково? Матери нет, братьев-сестёр тоже, за душой ни гроша. Как без поддержки пробиваться? Пропадёт ведь парень без дружеского плеча, пропадёт! Ошибётся — и подсказать некому. Вы — вся его опора. Вот вы все сегодня здесь сидите: Сяотянь, Фуян, Хао-цзы... теперь и ты, Чжаньбай. Раз он вас за этот стол посадил, значит, душу перед вами наизнанку вывернул, как перед родными братьями. В чужом городе всем несладко, все хотят человеком стать, на ноги встать. Так держитесь друг за друга зубами! Помогайте, тащите друг друга вверх. Только

так и прорвётесь!

— Всё верно, дядя Ли, всё так, — нестройным хором закивали ребята.

Чжаньбай под этот шумок краем глаза следил за Шэнъанем, ловя малейшие изменения на его лице.

— Ну всё, отец, хорош пить, — наконец вмешался Шэнъань, мягко забирая у него пиалу. — Разошёлся. Мы твои поучения уже наизусть выучили, у всех уши вянут. Всё мы помним, всё понимаем. Успокойся уже, ладно?

Старик послушно замолк, но бутылку из рук так и не выпустил. Пропустив ворчание сына мимо ушей, он снова повернулся к Чжаньбаю и увлёк его в новый раунд возлияний. Шэнъаню оставалось лишь со вздохом покачать головой.

Наконец застолье подошло к концу. Завтра всем нужно было на работу, поэтому гости засобирались домой. Шэнъань вышел проводить ребят на улицу. Сяотянь, Фуян и Лю Хао жили по соседству, так что они сразу зашагали гурьбой к перекрёстку.

Вскоре у подъезда, в зыбком полумраке подле цветочной клумбы, остались только они вдвоём. Осенняя прохлада приятно освежала разгорячённые лица.

— А батя у тебя мировой мужик, — хмельно усмехнулся Чжаньбай, панибратски закидывая руку ему на плечо.

— Тебе тоже уже хорош. Дуй домой спать, — Шэнъань без церемоний сбросил его руку со своего плеча.

— Да вот незадача, — Чжаньбай тихонько икнул и покачался с мыска на пятку. — Кажется, я перебрал. За руль в таком виде нельзя. Может, подбросишь меня?

— Я тоже пил, — отрезал Шэнъань. Окинув взглядом покрасневшегося, покачивающегося Чжаньбая, он вздохнул: — Звони своему водителю. Пусть забирает тебя.

— Ладно, уговорил, — покорно согласился тот и полез в карман за мобильником. Но тут же замер и уставился на Шэнъаня: — Только ты посидишь со мной, пока он не приедет. Идёт?

— Тогда пошли обратно в квартиру, чего на ветру стоять, — предложил Шэнъань.

— Не-а, — упрямо мотнул головой Чжаньбай, по-детски надув губы. — Хочу здесь. Поговори со мной.

Шэнъань посмотрел на его капризную мину и понял, что спорить бесполезно.

— Ладно, шут с тобой.

Чжаньбай быстро набрал номер, отрывисто отдал распоряжение и, убрав трубку, уставился на Шэнъаня затуманенным, замороженным взглядом.

— О чём говорить-то? — Шэнъаню стало не по себе под этим пристальным взглядом.

— Шэнъань, до чего же ты хорош... — пробормотал Чжаньбай полушёпотом, словно бредил наяву. — Как вообще природа создала такое лицо?

— Опять ты за своё, — поморщился Шэнъань. — Больше тем для разговора нет?

— Есть! — Чжаньбай качнулся вперёд, едва удерживая равновесие. — Я ведь сегодня пришёл за ответом. На тот самый вопрос. Но раз уж я пьян... боюсь сболтнуть лишнего и разозлить тебя. Так что сегодня обойдёмся без расспросов.

Договорив, он покачнулся, потерял опору и едва не полетел на асфальт.

Шэнъань ловко перехватил его под локоть и помог добраться до деревянной скамьи у клумбы.

Но стоило Чжаньбаю опуститься на сиденье, как его потянуло в сторону. Он тяжело навалился на Шэнъаня, уткнулся ему лицом куда-то в грудь и мгновенно затих.

Шэнъань обречённо вздохнул. Он попытался аккуратно отстранить бесчувственное тело и усадить ровно, но Чжаньбай, словно неваляшка, тут же соскользнул обратно, устроившись ещё удобнее.

Бог его знает, разыгрывает он спектакль или его действительно сморило, но выпил он сегодня прилично — это факт. Смирившись с неизбежным, Шэнъань позволил чужой голове остаться у себя на плече.

Они сидели молча в серебристом свете луны, овеваемые прохладным ночным ветром. Два силуэта, застывшие в странном, обманчивом единении, и у каждого в этот миг в душе зрели свои, неведомые другому мысли.